

СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ, ПОЛИЛОГ И СКРИПТОКОНВЕНЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННО ДЕСТРУКТИВНЫХ ОНЛАЙН-ГРУППАХ

Е.В. Бакишутова¹

Самарский государственный технический университет
Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: bakshutka@gmail.com

Аннотация

Социально-когнитивное моделирование дискурсов сетевых коммуникаций связано со сменой исследовательского вектора с «описательности» на «моделируемость» языковых явлений и процессов. В статье сфокусировано внимание на некоторых типах моделирования когнитивных способов превенции психологических угроз общественному благополучию. В работе представлена методика скриптововлечения онлайн-группы в конвенцию гуманизации группового мнения, основанная на обучении способам отношения к ситуации дискуссии, исключающим деструктивность. Выявленные нами негативные эмоциональные реакции в сетевых коммуникациях (коллективные страхи, агрессия, ресентимент), а также когнитивные модели политического экстремизма и интеллектуального терроризма позволили сконструировать кодировочную матрицу, включающую описание феноменов деструкции и их лингвопсихологических маркеров. Исходя из гипотезы, что конструктивная конвенционализация дискуссии может быть достигнута при 30 % конвенциональных позиций пишущих, мы провели эксперимент в русскоязычном секторе социальной сети Facebook. В статье на примере трех дискуссий, начатых 18 мая 2019 г. (посвященных противостоянию горожан в Екатеринбурге из-за строительства храма и гибели журналиста С. Доренко), показано, что конструктивное имплантирование скрипта может осуществляться как автором/модератором дискуссии, так и участником/читателем; как неосознанно, так и сознательно.

Ключевые слова: сетевые войны, триггерная тема, скриптоимплант, кодировочная матрица, лингвопсихологические маркеры, компонентный анализ.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00171 А. Автор признателен за консультации и помощь в подготовке рецензентам и редакции журнала «Вестник СамГТУ. Психолого-педагогические науки».

Введение

Системные вспышки сетевой агрессии, ресентимента, психологического терроризма и сепаратизма актуализируют необходимость разработки антропопрактик идентификации и оценки когнитивно-эмоциональных состояний пользователей онлайн-сетей по критериям опасности для государства и общества.

Рост сетевой деструктивности групповой коммуникации приводит к возникновению противоречий, конфликтов, расколов, ведущих к нарастанию социальной и общественно-политической напряженности. Технологии цветных революций развиваются через современные средства коммуникаций. Деструктивное воздействие

¹Бакишутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой «Психология и педагогика».

таких технологий на массовое сознание или подсознание людей направлено на деградацию общества, подмену и дискредитацию традиционных мировоззренческих, духовно-нравственных и культурных ценностей, целенаправленную дестабилизацию социально-политической обстановки в отдельно взятых регионах, смену власти в стране через развал ее территориальной целостности. Стихия сетевых войн в некоторых случаях может сместить массовое сознание в критические области показателей состояния общества, способствующих потере территориальной целостности государства. Результаты авторских исследований (2008–2019, см.: [1], [2], [3]) позволяют диагностировать характеристики дестабилизации целевой аудитории онлайн-ового сетевого сообщества в аспектах:

- наличия в сетевом дискурсе категориальных аттракторов угроз (дискредитации общественных ценностей и призывов к незаконной деятельности);
- функционирования доминанты коллективных реакций, эмоционально определенных идеологической конструкцией агрессии, продуцируемых переживаниями страхов, недоверия и ненависти к субъективно выделенным объектам реальности;
- роста злокачественной агрессии (немотивированной жестокости и деструктивности), сопровождаемой стремлением к максимально возможному разрушительному эффекту;
- проведения общественно опасных информационно-пропагандистских кампаний провокационного характера, ориентированных на внедрение агрессивных, экстремистских и сепаратистских настроений, то есть угроз, описанных в «Доктрине информационной безопасности» [4].

Цель нашего проекта – разработка методики превентивной скриптоимплантации социально-конструктивной установки в деструктивные сетевые коммуникации.

Гипотеза: выявленные ранее деструктивные скрипты коллективных страхов, агрессии, ресентимента, интеллектуального терроризма, политического сепаратизма, представленные моделями «все или ничего», игнорирование или исключение позитивной информации, скачок к разрушительному умозаключению, наклеивание негативных ярлыков, катастрофизация мировоззрения и др. обесцениваются скриптами положительного подкрепления, десенсибилизации, уменьшения значимости результатов, ссылки на авторитет, сократических диалогов, метафоризации темы, рефлексивного портретирования и др., имплантируемыми в групповой дискурс.

1. Обзор литературы

Проблематика информационной войны и информационно-психологической безопасности является одновременно и старой, и новой. Она рассматривается с философских позиций [5], в военной науке и политической психологии [6], [7] от Древнего мира до современных сетевых войн [8], [9]. Во всех контекстах публикации носят в основном характер либо постановки проблемы, либо описания феноменологии. Основная цель информационной войны, как пишут В.И. Ковалев и Ю.А. Матвиенко, – «в первую очередь захват и контроль информационных каналов и потоков информации противника, а также защита от аналогичных действий противоположающей стороны», а основная цель психологической войны – «изменить в нужном направлении поведение противника за счет изменения его сознания, восприятия им картины мира» [10]. И если для противодействия в сетевой информационной войне уже используются языки программирования, протоколы и соглашения,

то разработка «оружия» противодействия сетевым психологическим «боевым» действиям только дебютирует, публикации прикладного (не описательного) характера практически отсутствуют.

Информационное содержание интернет-ресурса сетевой войны формально отличается наличием дезинформации и материалов провокационного характера; призывами к незаконной деятельности; материалами методического характера, способствующими реализации противоправных действий. При этом опасность возрастает, если сетевой ресурс становится высоко посещаемым компактно локализуемой стабильной аудиторией, что ведет к росту индекса цитирования. Сугубо формальные характеристики социально опасных интернет-ресурсов дают их статичный портрет как некое статус-кво опасности, но этот инструмент анализа не способен каким-либо образом повлиять на состояние ресурсной группы.

В моделировании скриптоимплантации нами используется понятие «речевого сообщества» (speech community) в понимании Д. Хаймса [11] и П. Кодера [12]. То есть изучаются особенности словоупотребления внутри отдельной социальной группы, а не сама группа на основе определенных лингвистических критериев и показателей.

Предлагаемый автором подход моделирования изменений когнитивно-эмоциональных состояний сетевых сообществ способствует выработке универсальных решений специфических задач в условиях информационных войн. Если когнитивная психология обладает инструментарием для диагностики и оценки когнитивных процессов группового генезиса, то психология групповых эмоциональных реакций на социальную действительность складывается в науке пока лишь в качестве проблемного поля. Если индивидуальные классификации эмоций и их генезис даны в зарубежной психологии XX века, то коллективные эмоции (кроме рефлексологии В.М. Бехтерева) [13] до сих пор не получили развития в научном дискурсе. Успешное решение данной проблемы может способствовать развитию бесконтактного воздействия на сетевые группы, массы, сообщества с целью снижения опасности эмоциональных эпидемий разрушения, ведущих к распаду и деградации социального целого (общества, страны, народа).

Разработка моделей идентификации и изменения когнитивно-эмоциональных состояний пользователей онлайн-сетей по критериям опасности для государства и общества представляет собой конструирование моделей оценки психологически опасного влияния текстовых материалов пользователей онлайн-сетей в целевых группах, выявление групповых аттракторов устойчивых угроз социальной безопасности в текстовых материалах и превентивное скриптоимплантирование конвенциализирующих скриптов в триггерных дискуссиях.

Традиция коллективной рефлексологии, трансформированная на языке когнитивно-эмоциональной направленности групповых аттракторов общественной опасности, предлагается как методологическая новация моделирования оценок потенциальных угроз онлайн-сетевых коммуникаций и противоборства с ними.

Генеративно-матричный подход (Е.В. Бакшутова, Т.К. Рулина) к анализу групповых когниций, группового мировоззрения, мышления, восприятия, памяти обеспечивает системные наблюдения, оценки, моделирование оценки, прогноза и превенции когнитивно-эмоциональных состояний сетевых сообществ. Разработка

и апробация методик моделирования способов изменения текстовых установок целевых онлайн-сообществ ведется в аспектах:

- выявления категориальных аттракторов угроз;
- изучения эмоциональной тональности агрессии и экстремизма;
- описания социально опасной эвристики намерений;
- диагностики состояний когнитивно-эмоциональных рисков группового генезиса (сквозная проблема авторских исследований);
- разработки сетевой матрицы устойчивых социальных угроз (социальной агрессивной дегенеративности, экстремизма, терроризма и сепаратизма);
- внедрения антропотехник имплантирования в реальные сетевые практики положительной самооценки, позитивной аффективности и конвенциональных установок стабилизации общественной безопасности.

Если скриптоимплант конвенциализации группового мнения разделяется или поддерживается 30–40 % участников триггерной дискуссии, то следует снижение уровня агрессии сообщества, а следовательно, ослабление присущих ему деструктивных установок.

Скрипты-импланты должны носить общедоступный характер. Скрипт – структура, представляющая стереотипные ситуации, позволяющая совершать базовые когнитивные акты понимания языковых сообщений. Скрипт-фрейм потенцирует текст, являясь концентрированной формой повествования и представляя собой нарративные схемы, порождающие только те интерпретации, которые задаются их стратегией.

Имплант-фрейм определяет восприятие текста как на поверхностном уровне, так и на стратегическом:

- 1) имплант может быть представлен целенаправленным повторением ключевых слов;
- 2) имплант может быть представлен комплексом семантических категорий, устанавливающих единый смысл прочтения текста.

Категории обязывают читателя однозначно решать, какие семантические свойства скрипта должны восприниматься как актуальные. Актуальная верификация скрипта-импланта – это стратегически адекватное установление интерпретации, заданное фреймами смысла и действия, то есть аксиологемами: истинное – ложное, положительное – отрицательное, хорошее – плохое, должное – преступное, вред – польза и т. п.

При переходе текста из плана выражения в план содержания смыслопорождение блокируется контекстуальными смыслами. Компонентный анализ текста (*semantic composition analysis*) [14, с. 94] приобретает аргументативную обоснованность в случае определения контекстуальных и ситуативных предпочтений дискуссионной группы, которые изначально процессуальны и континуум которых слабо предсказуем. Контекстуальные предпочтения как закодированные возможности осмысления обеспечиваются в рамках дискурса, будучи психологическими инструментами одной и той же семиотической системы. Ситуативные предпочтения обеспечиваются интертекстуальными компетенциями, отсылающими к предшествующим текстам [15], [16], [17]. В нашем случае каждый комментарий в сетевой дискуссии – отдельный текст.

2. Материалы и методы исследования

Исследование проводилось в мае 2019 г. на основе триггерных материалов онлайн-дискуссий в русскоязычном сегменте социальной сети Facebook. Информационным поводом для публикаций послужили актуальные события и памятные даты:

- противостояние горожан в Екатеринбурге из-за строительства храма;
- гибель журналиста С. Доренко.

Метод исследования – компонентный анализ, позволяющий выявлять позиции – компоненты категориальных значений текста. Важность и информативность позиций – критерии определения позиции. Ранее нами были выявлены и описаны проявления сетевых деструктивных когнитивно-эмоциональных процессов. Позициями деструкции в нашем исследовании определяются социально-психологические феномены деструкции (субпозиции), которые рассматриваются в качестве психологических маркеров феноменов деструкции (табл. 1).

Таблица 1

Матрица кодировки угроз (когнитивно-эмоциональных процессов) сетевых дискуссий

Позиции (феномены деструкции)	Субпозиции (психологические маркеры феномена деструкции) текста
Коллективные страхи	– фрустрация – негативизм – обесценивание – депрессия
Ресентимент	– неприязнь – ненависть – зависть
Агрессия	– оскорбления – враждебность – угрозы – газлайтинг – троллинг (критиканство)
Сепаратизм	– обособление – противоборство – игнорирование норм – радикализм – экстремизм – шовинизм
Терроризм	– насилие – борьба – неистовство – ярость – запугивание

Также для анализа мы используем такие позиции, как «конвенциональность» и «индифферентность».

Каждый комментарий подвергается компонентному анализу с точки зрения важности и информативности. Методом экспертной оценки определяются субпозиции текстов. Затем на групповом уровне суммируется выраженность субпозиций и позиций, определяется их весовая нагрузка относительно друг друга. По принципу доминирования определяются преобладающие когнитивно-эмоциональные угрозы

дискуссии. Птирентагон утверждает, что «если 30 % принимают определенное убеждение, то процесс становится необратимым и захватывает все общество» (цит. по: [18]). В нашем случае это означает следующее: если количество конвенциональных комментариев достигает 30–40 %, то имплантация конвенционального скрипта прошла успешно.

3. Результаты исследования

Рассмотрим более подробно материалы и результаты исследования.

Пример 1. Публикация Н. Холмогоровой от 18 мая, одна из нескольких на ее странице, посвященных конфликту в Екатеринбурге из-за строительства храма в городском сквере². Данная публикация – пример того, как автор изначально предлагает стратегию конвенционализации дискуссии³: *«Просто любое явление жизни может вызывать неприязнь, церковь не исключение. У кого-то был собственный печальный опыт. Кто-то смотрит на воцерковленных родственников или знакомых, и ему не нравится то, что он видит. Кто-то сам не пробовал, но теоретически каких-то вещей, связанных с религией или с церковью, не принимает. И, знаете, это нормально... Короче, "противники церкви" – это (в подавляющем большинстве) не злодеи-сатанисты, едящие младенцев на завтрак, их не надо давить и стрелять, это просто оппоненты, такие же, как оппоненты в разных светских вопросах. С ними можно разговаривать»*. Публикация получила 134 позитивных реакции, 229 комментариев.

Позиция автора заключена в предложении скрипта: *«Просто любое явление жизни может вызывать неприязнь, церковь не исключение»*. Указано на публичную лояльность задачи обсуждения проблемы церковного строительства. Далее позиция развивается на основе аргументов конвенционализации отношения к проблеме.

В процессе компонентного анализа субпозиций участников дискуссии определялась субпозиция каждого комментария и их суммативная нагрузка по дискусионной группе. Соотношение позиций распределилось следующим образом, %:

- терроризм – 0;
- сепаратизм – 0,4;
- индифферентность – 16;
- страх – 18,4;
- агрессия – 19;
- конвенциональность – 23;
- ресентимент – 23,2.

Мы видим, что количество конвенциональных сообщений составляет 23 %, то есть результат не достигает необходимых для внедрения 30 % – даже в такой дискуссии, где автор изначально задает установку диалога.

Необходимо отметить, что в рамках позиций не все субпозиции выражены одинаково. Так, в позиции «коллективные страхи» в 88 % текстов на смысловом уровне представлена субпозиция «фрустрации» в следующих комментариях: 1) *«а кто-то думает, что именно предательство в церкви привело нас к поражениям и бедам. Где здесь русофобия?»*; 2) *«среди учеников Христа не было авторитетных предпринимателей и чисто конкретных спортсменов в стиле фильма "Жмурки". Казначей у Христа – это*

² <https://www.facebook.com/nat.holmogorova>

³ Здесь и далее сохранены авторская стилистика и орфография.

не авторитетный "решала"; 3) «Да просто обнажилось с неумолимой ясностью, что в глазах общественности Церковь у нас – это вообще не про Бога. Тут с одной стороны сыграло срачивание Церкви и власти, с другой – абсолютное незнание, что за Бог такой у Церкви в принципе (например, почему для поклонения Ему действительно нужно собираться в храме). Власть никто никогда не любит, непонятный Бог остается ненужным... в результате имеем что имеем:» и др.

В позиции «ресентимент» преобладает не ненависть и зависть, а субпозиция «неприязнь», относящаяся как к теме, так и к межличностным позициям. В частности, по поводу представлений о Новом Завете. Например: «мы, христиане (хотя, конечно, плохие христиане, что и сами знаем, не вам нас учить), по своей простоте считали, что Писание научает правде и как ее исполнять. А вы (мн. число), почему-то толком не зная Писания и Предания, с помощью которого Писание толкуется, уверены, что Писание существует для оправдания властей. Ситуация "юмористическая"»; «просто вы страшно далеки от Живого Бога. Мне вас жаль, о своем состоянии следовало бы сокрушаться. А вы просто не понимаете, насколько плачевно такое состояние человека». Комментарии демонстрируют немотивированное социальное недоброжелательство в межличностных отношениях, свидетельствующее о социальной аномии сообщества пишущих.

В позиции «агрессия» преобладают субпозиции «критиканство» (34 %) и «враждебность» (43 %): 1) «мне пасть ниц перед тем, что Вы 1. знаете имя Сократ 2. читали Радзинского? Увы мне, я – тоже. А хоть гордыня и есть "мой" грех, но пасть ниц перед самой собой даже я считаю... несколько несообразным. Засим – доброй ночи и удачи :-); 2) «ну и кто же вы персонально такой, чтобы меня от Церкви отлучать?». Субпозиции агрессии, хотя и представлены в дискуссии, не принимают радикального характера, возможно, в силу общей интенции на диалог.

Конвенциональные комментарии принадлежат как самому автору, так и другим участникам дискуссии: 1) «я атеист и мое отношение к верующим симметрично вашему. Я бы тоже написала такой пост доброжелательно, но слегка свысока, как это сделали вы. В любом случае, тут нужен конструктивный диалог, которого в Екатеринбурге, к сожалению, нет»; 2) «я перепостила Вашу публикацию, потому что считаю ее той золотой серединой, к которой должны стремиться крайние точки зрения. А их, увы, большинство. Кто-то в конце концов должен прислушаться к доводам рассудка и не делить мнения на черное и белое». Данные комментарии создают ситуацию солидаризации вокруг диалогического поведения пишущих, оказывая влияние на общую интенцию дискуссии.

Таким образом, субпозиции фрустрации, неприязни и враждебности определили когнитивно-эмоциональную направленность данной дискуссии как деструктивную. Она не была преодолена маневром конвенциализации альтернативных позиций на основе стратегии «с оппонентом надо разговаривать». Ресентиментоемкость дискуссии свидетельствует о высоком уровне социальной напряженности дискуSSIONного сообщества, о необходимости снижения ее уровня, то есть субпозиций фрустрации. Тем не менее результат десенсибилизации когнитивных моделей реагирования в качестве общей интенции дискуссии присутствует. Дальнейшее скриптоимплантирование темы наиболее целесообразно на основе десенсибилизации именно

этих субпозиций. Контрскрипты должны конструироваться на основе фрустрированных субпозиций пишущих.

Примеры 2 и 3. Публикация 11 мая в сообществе «Александр Проханов»⁴. Стилизованный материал – републикация Людмилы Рябовой с Тг-канала «Переборхес» о гибели С. Доренко. Материал получил 32 реакции, 66 комментариев. Приведем один фрагмент «поста»: «Он ведь все еще был живым, в отличие от своих соседей по медиа-эпохе, вроде перекошенной Митковой или вампирозасохшего Невзорова: все они остались там, в великих девяностых, и только одному Доренко удалось перебраться на этот берег. Для того чтобы сегодня погибнуть здесь раз и навсегда. Отныне вечно молодым, вечно пьяным своим собственным упоением в медийном бою...». После того как публикация текста сгенерировала 36 комментариев (19 % – субпозиции страха и ресентимента, 27 % – агрессии, 21,6 % – индифферентных комментариев и 13,4 % – конвенциональных), мы имплантировали в дискуссию текст: «Зло, которое Вы делаете, остается с Вами. Смерть скандально популярного журналиста Сергея Доренко практически не вызвала искренних соболезнований в сетевых хорах. И на то немало оснований: он и не скрывал продажность и «заказушность» своих пылких речей и на телевидении, и на радио. Демонстративно обслуживал интересы не общества, а политических и экономических группировок как работодателей, превращая профессию журналиста в бизнес-проституирование. Не он один, но так агрессивно и цинично линчевать Ленина-Сталина, издеваться над предпенсионерами-«недопенсионерами», то есть оскорблять достоинство больших социальных групп, защищающих свои жизнетворческие ценности, оскорблять не по убеждению, а из карьерных и меркантильно-личных интересов не отважился никто.

Дьявол в деталях – драматизм финала с мотоциклом исключал возможность спасения и гарантировал публичность казни. А Бог не знает компромисса: Доренко всегда ставил на врагов народных интересов, на их деньги, и холодное презрение общества к беспринципной лжи журналиста – эхо его Гласа. Еще древние вывели формулу неотвратимости наказания за зло, причиняемое другим. Оно может быть отложено во времени, может обрушиться из невероятного источника, но зло возвратится бумерангом к его автору. Покушаться на веротерпимость, на бедных и обездоленных, на их солидаризацию с целью самозащиты, на кумиров народа, что было подспудной целью киллерских атак журналиста, какова бы ни была его фамилия – духовное преступление перед обществом и Богом, который взыскует мира между людьми как самой фундаментальной ценности общезжития». Позиция текста выражена в заголовке: «Зло, которое Вы делаете, остается с Вами».

После публикации данного текста последовало 25 комментариев, а также по просьбе участников группы он был опубликован как самостоятельный «пост», получивший 86 реакций и 93 комментария (пример 3). В обеих дискуссиях не были выявлены позиции сепаратизма и терроризма. Распределение остальных позиций де-струкции представлено в табл. 2.

⁴ <https://www.facebook.com/groups/WeFromUSSR/>

Распределение позиций (феноменов деструкции) в дискуссиях на смерть С. Доренко в группе «Александр Проханов» (%)

Позиции (феномены деструкции)	До публикации текста-импланта в дискуссию, инициированную Л. Рябовой	После публикации текста-импланта в дискуссию, инициированную Л. Рябовой	Отдельная публикация Е. Бакшутовой
Коллективные страхи	19	20	3,2
Ресентимент	19	23,3	19,4
Агрессия	27	26,7	20,4
Индифферентность	21,6	6,7	27
Конвенциональность	13,4	23,3	30

Количественный анализ результатов эксперимента скриптоимплантации в дискуссии, инициированной Л. Рябовой, свидетельствует о достижении цели экспериментатора. Имплантирование в дискуссию портретирующего скрипта, ориентированного на моральные ценности журналистики, не повлияло на представленность деструктивных позиций «коллективные страхи», «ресентимент», «агрессия», но в целом привело к росту конвенциональной позиции, хотя и не достигло порогового значения влияния.

Отдельная публикация данного текста достигла порогового значения влияния в 30 %, из чего следует заключить, что данный «пост» имеет потенциал реальной конвенционализации деструктивных позиций.

4. Обсуждение и заключение

В социальной когнитивности сетевых групп фиксируется новое реальное состояние психологии социальных макроструктур (обществ, классов, этносов, наций) с их особенностями, противоречиями представлений, настроений, ожиданий, предрасудков, задающих непрогнозируемую деструктивную аттрактивность группового поведения: сети продуцируют не скоординированное, но семантически согласованное реагирование на реальность.

Улучшить исполнение государством базовой функции по обеспечению целостности и неприкосновенности территории с помощью системы прогнозирования реакции общества на любые информационные вмешательства мешает недооценка формирования нового вида социальных отношений, определяемых опосредованной публичностью, которая не связана общим местом действия.

Конструирование моделей изменения психологически опасного влияния текстовых материалов пользователей онлайн-сетей в сетевых группах, выявление групповых аттракторов устойчивых угроз социальной безопасности в текстовых материалах и превентивное скриптоимплантирование конвенционализирующих текстов в триггерных дискуссиях заявляется актуальным способом управления коммуникацией сетевых групп, определяемой опосредованной публичностью.

Выявленные феномены социальной деструкции в сетевых дискуссиях (позиции «коллективные страхи», «ресентимент», «агрессия») лежат в сфере идеологических схем, согласно которым каждый пишущий руководствуется индивидуальными идеологическими субпозициями («фрустрация», «депрессия», «неприятель», «враждебность», «критиканство»). Компонентный анализ результатов серии экспериментов с

текстами публикаций в социальной сети Facebook на темы противостояния горожан в Екатеринбурге из-за строительства храма и гибели журналиста С. Доренко подтвердил на качественном уровне верифицируемость гипотезы исследования. Так, эксперимент с текстом № 1 продемонстрировал преобладание деструктивных позиций, не позволившее развиться эффекту конвенционализации в полной мере, тем не менее обеспечил снижение их радикальности в силу влияния общей интенции дискуссии на диалог. Эксперимент № 2, основанный на авторском скриптоимплантировании, в целом отмечен ростом конвенциональной позиции дискуссии. В эксперименте № 3 отдельная публикация текста-скрипта достигла порогового значения влияния, что может служить прогнозом изменения общегрупповой установки. В эксперименте были использованы когнитивные модели скрипторики (термин М.Н. Эпштейна [19]): в первом эксперименте – десенсибилизации деструктивности, во втором и третьем – рефлексивного портретирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бакиутова Е.В.* Проблема ресентиментомкости этоса сетевой среды: социальная эпистемология сетевого ресентимента // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. – 2018. – № 3 (39). – С. 19–35.
2. *Бакиутова Е.В.* Категориальный анализ кризисности групповой самоидентификации (сепаратизм) в сетевых сообществах // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология: сб. науч. трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 60. – Ч. 3. – С. 407–411.
3. *Бакиутова Е.В., Рулина Т.К.* Автономные и гетерономные основы религиозного мировоззрения больших групп // Социальная психология этнонационального, религиозного (конфессионального), правового, регулятивно-управленческого сознания в современной России. – Самара: Порто-принт, 2016. – С. 62–111.
4. Доктрина Информационной безопасности РФ // Российская газета. – 06.12.2016.
5. *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. – М.: Ауторан, 2000. – 187 с.
6. *Почепцов Г.Г.* Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 179 с.
7. *Крысько В.Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Минск: Харвест, 1999. – 448 с.
8. *Баршополец В.А.* Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. – 2013. – Т. 5. – № 2. – С. 62–104.
9. *Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А.* Информационные войны: история и современность: учеб. пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. – 124 с.
10. *Ковалев В.И., Матвиенко Ю.А.* Деструктивные сетевые социальные структуры и информационные войны как современные вызовы безопасности России // Сайт С.П. Курдюмова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/networks/destruktivnye-setevye-socialnye-struktury/> (дата обращения 06.05.2019).
11. *Hymes D.* Models of the Interaction of Language and Social Life. In John Gumperz and Dell Hymes (eds.), *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1972. С. 35–71.
12. *Corder S.P.* *Introducing Applied Linguistics*. Baltimore: Penguin Education. 1973. 392 с.
13. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. – Пг.: Колос, 1921. – 432 с.
14. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
15. *Kristeva J.* *Le texte du roman*. The Hague: Mouton, 1970. 209 с.

16. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.
17. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
18. Перетолчин Д. Человечество → овечество. Google как оружие массового порабощения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://view-w.ru/2016/09/02/dmitrij-peretolchin-chelovechestvo-%E2%86%92-ovechestvo-google-kak-oruzhie-massovogo-poraboshheniya/> (дата обращения: 04.05.2019).
19. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.

Поступила в редакцию 15.08.2019
В окончательном варианте 06.09.2019

UDC 316.6: 159.9.07

NETWORK WARS, POLYLOG AND SCRIPT CONVENTION IN SOCIALLY DESTRUCTIVE ONLINE GROUPS

*E.V. Bakshutova*⁵

Samara State Technical University
244, Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russia
E-mail: bakshutka@gmail.com

Abstract

Socio-cognitive modeling of network communications discourses is associated with the change of the research vector from «descriptive» to «modeling» language phenomena and processes. The article focuses on some types of modeling of cognitive methods for the prevention of psychological threats to public welfare. The paper presents the method of scripting online – groups in the convention of humanization of group opinion, based on teaching methods, attitude to the situation of discussion, excluding destructiveness. Negative emotional reactions revealed by us in network communications (collective fears, aggression, resentment), as well as cognitive models of political extremism and intellectual terrorism allowed us to construct a coding matrix that includes a description of the phenomena of destruction and their linguistic psychological markers. Based on the hypothesis that constructive conventionalization of the discussion can be achieved with 30 % of the conventional writing positions, we conducted an experiment in the Russian-speaking sector of the social networking site Facebook. In the article, the example of three discussions started on May 18, 2019 (dedicated to the opposition of citizens in Yekaterinburg due to the construction of the temple and the death of the journalist S. Dorenko) shows that constructive implantation of the script can be carried out by the author / moderator of the discussion and by the participant / reader both unconsciously and consciously.

Key words: network wars, trigger theme, script-implant, coding matrix, linguopsychological markers, component analysis.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 18-013-00171 A. The author is grateful for the advice and assistance in the preparation of the material by reviewers and editorial staff of the journal «Vestnik SamSTU. Psychological and pedagogical sciences».

REFERENCES

⁵ Ekaterina V. Bakshutova, Doc. Phil. Sci., Associate Professor, Head of Psychology and Pedagogy Department.

1. *Bakshutova E.V.* Problema resentmentoyemkosti etosa setevoy sredy: sotsial'naya epistemologiya setevogo resentimenta [The problem of reentivating the ethos of the network environment social epistemology of network resentment]. *Vestnik SamGTU. Ser. Psikhologo-pedagogicheskiye nauki*. 2018. No. 3 (39). Pp. 19–35.
2. *Bakshutova E.V.* Kategorial'nyy analiz krizisnosti gruppovoy samoidentifikatsii (separatizm) v setevykh soobshchestvakh [Categorical analysis of the crisis of group identity (separatism) in network communities]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser. Pedagogika i psikhologiya: sb. nauch. trudov*. Yalta: RIO GPA, 2018. Vol. 60. No. 3. Pp. 407–411.
3. *Bakshutova E.V., Rulina T.K.* Avtonomnyye i geteronomnyye osnovy religioznogo mirovozzreniya bol'shikh grupp [Autonomous and heteronomic foundations of the religious outlook of large groups]. *Sotsial'naya psikhologiya etnonatsional'nogo, religioznogo (konfessional'nogo), pravovogo, regul'yativno-upravlencheskogo soznaniya v sovremennoy Rossii*. Samara: Porto-print, 2016. Pp. 62–111.
4. Doktrina Informatsionnoy bezopasnosti RF [Doctrine of Information Security of the Russian Federation]. *Rossiyskaya gazeta*. 06.12.2016.
5. *Rastorguev S.P.* Filosofiya informatsionnoy voyny [Philosophy of Information Warfare]. – M.: Autopan, 2000. 187 p.
6. *Pocheptsov G.G.* Informatsionno-psikhologicheskaya vojna [Psychological warfare]. M.: SYNTEG, 2000. 179 p.
7. *Krys'ko V.G.* Sekrety psikhologicheskoy voyny (Tseli, zadachi, metody, formy, opyt) [Secrets of psychological warfare (Goals, tasks, methods, forms, experience)]. Minsk: Kharvest, 1999. 448 p.
8. *Barishpolets V.A.* Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost': osnovnyye polozheniya [Information and psychological security: key points] // *Radioelektronika. Nanosistemy. Informatsionnyye tekhnologii*, 2013. T. 5. № 2. Pp. 62–104.
9. *Suleymanova SH.S., Nazarova Ye.A.* Informatsionnyye voyny: istoriya i sovremennost': Uchebnoye posobiye [Information warfare: history and modernity: Textbook]. M.: *Mezhdunarodnyy izdatel'skiy tsentr «Etnosotsium»*, 2017. 124 c.
10. *Kovalev V.I., Matviyenko YU.A.* Destruktivnyye setevyye sotsial'nyye struktury i informatsionnyye voyny kak sovremennyye vyzovy bezopasnosti Rossii [Destructive network social structures and information wars as modern security challenges of Russia] // *Sayt S.P. Kurdyumova/ <http://spkurdyumov.ru/networks/destruktivnye-setevyye-socialnye-struktury/>* (accessed May 06.2019).
11. *Hymes D.* Models of the Interaction of Language and Social Life. In John Gumperz and Dell Hymes (eds.), *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. Pp. 35–71.
12. *Corder S.P.* *Introducing Applied Linguistics*. Baltimore: Penguin Education, 1973. 392 p.
13. *Bekhterev V.M.* Kollektivnaya refleksologiya [Collective reflexology]. Pg.: Kolos, 1921. 432 p.
14. *Kuznetsova E.V.* Leksikologiya russkogo yazyka [Lexicology of the Russian language]. Moscow: High School, 1989. 216 p.
15. *Kristeva J.* *Le texte du roman*. The Hague: Mouton, 1970. 209 p.
16. *Eko U.* Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Studies on text semiotics]. Per. s angl. i ital. S.D. Serebryanogo. Saint Petersburg: Simpozium, 2007. 502 p.

17. *P'yege-Gro N.* Vvedeniye v teoriyu intertekstual'nosti [Introduction to intertextuality]. Per. s fr. Obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 240 p.
18. *Peretolchin D.* CHelovechestvo → ovechestvo. Google kak oruzhiye massovogo poraboshcheniya [Humanity → Animalhood. Google as a weapon of mass enslavement]. <https://view-w.ru/2016/09/02/dmitrij-peretolchin-chelovechestvo-%E2%86%92-ovechestvo-google-kak-oruzhie-massovogo-poraboshheniya/> (accessed May 05, 2019).
19. *Epstein M.N.* Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnyye nauki mogut izmenyat' mir [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. Moscow–Saint Petersburg: TSentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 480 p.

Original article submitted 15.08.2019

Revision submitted 06.09.2019